

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
Vol. 5, No. 3, pp. 208-216, 2014

DOI: 10.13187/issn.2408-9621
www.ejournal16.com

UDC 929/947.0

An Interview with Mikhail Dmitrievich Shibanov

Conducting the interview; preparing the material for publication
Irina G. Tazhidinova

Kuban State University, Russian Federation
149, Stavropolskaya Street, Krasnodar, 350040
PhD (History)
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Abstract

The interview with World War II veteran, Colonel of the Guards (Retired) Mikhail Dmitrievich Shibanov is dedicated to everyday life at the front and his life in 1942-1945. Much attention is devoted to Shibanov's relations with family and friends during the war.

Keywords: M.D. Shibanov; World War II; private life; everyday life at the front; leisure; friendship.

Интервью с Михаилом Дмитриевичем Шибановым (1923–2013) проводилось 6 ноября 2012 г. в Краснодаре, в Краснодарском краевом Совете ветеранов. Продолжительность составила 72 минуты. Проводила и расшифровывала интервью И.Г. Тажидинова. Благодаря содействию М.Д. Шибанова впоследствии состоялся еще ряд интервью с фронтовиками, проживающими в г. Краснодаре.

Вопросы интервьюера выделены полужирным шрифтом. Редакторские исправления и добавления в текст внесены в квадратных скобках курсивом.

Михаил Дмитриевич, расскажите, пожалуйста, о своем детстве, о своей семье.

Я был двенадцатым ребенком в семье. Последним. Семья интереснейшая. Отец до революции был формовщиком-литейщиком на небольшом заводе, а потом, после Октябрьской революции, стал мастером чугунно-литейного цеха. С четырьмя классами образования, он обладал высокими знаниями, опытом, и был авторитетнейшим человеком, а для нас – строгим отцом.

А где жили?

У нас пятистенный дом. И все в нем размещались, на полотах спали.

А в каком городе?

Не город, село. А вон написано [*показывает на газету, где опубликовано интервью с ним*]. Село Рожки [1].

Частьню меня интересовало... Представьте, идет плавка. Выбивают днище после окончания литья, и я туда рвался посмотреть вот этот фейерверк огненный.

Отец Вас брал?

Я сам приходил. Завод рядом. Небольшой заводик. Что интересно, отец настолько пользовался величайшим авторитетом, ну, и знания, и опыт... к нему ездили с высшим образованием инженеры на консультацию, и приглашали его на открытие домен. Делился опытом там. Так что я очень горжусь.

А мама была с детьми?

Да. Отец, работая на вредном производстве долгое время, не дожидая до конца войны 2 месяца.

Он работал всю войну?

Работал. Ну, возраст уже. И в 59 лет он умер. А мать – в 95. Она занималась [тогда] нами. Вот интересный такой случай. Вспоминаю, я учился тогда в шестом классе, и мама куда-то уехала к родственникам, а отец попал на родительское собрание. Классная руководительница и говорит, что мальчишки начали баловаться: покуривать за сараями в школе. О девчонках и речи не шло. Не назвала фамилии, никого. И вот отец приходит: «Миша, садись». А раньше сигарет – ничего не было. Достает кисет с махоркой. «Миша, если хочешь курить – кури. Вот у нас с тобой кисет на двоих». Я говорю: «Папа, я не буду курить». Он: «Но я тебя предупредил!» И – в карман...

[Я] ушел на фронт. В рот до сих пор не брал ни одной сигареты. И на фронте. Я единственный был в батарее (командовал батареей), единственный не курил. Ну, получали мы американские сигареты, я раздавал... И вот, в 1943 году, после второго ранения, тяжелейшего ранения от трассирующей пули... я пролежал в госпитале четыре с половиной месяца, потом меня на костылях привезли к родным долечиваться. Я лейтенант. И отец через двое суток из командировки приехал. Достает свой неизменный кисет: «Сынок, давай закурим». Я говорю: «Не курю». «Что-о-о! Ты такое горнило прошел, два раза уже ранен... и не куришь». И как разревелся. Я чуть не потерял сознание. И тогда я себе окончательно дал [слово не курить]...

А какого Вы года рождения?

На будущий год мне 90. Я 1923 года.

Но на фронте народ, в основном, курил?

Большинство. Абсолютное большинство. Сначала табак давали, а потом офицерскому составу, когда мы уже перешли в наступление, американские сигареты.

А курили потому, что уже пришли курящими? Или потому, что нервная обстановка?

Просто тяга.

А алкоголь?

Я уходил в армию – в рот не брал спиртного. А когда приехали на фронт, там стали эти «фронтовые» давать, и я был замкомандира батареи, ну, молодой был, 18-летний лейтенант, еще даже 18 не было, и мы находились в обороне под Москвой, и рядом у нас был овраг, и каждое утро начиналось соревнование по стрельбе из пистолета. А стрелял отлично, гонорар был 100 грамм. И я все время выигрывал. Ну, лучший у меня результат был [улыбается].

И что Вы делали?

Ну, что я, думаете, пить стал? Нет. 100 грамм употребляли – это нормально. Я имею в виду 100 грамм «наркомовских». И никаких. Вот, даже переключусь на окончание войны. Для меня война окончилась в Австрийских Альпах. Мне поставили задачу гоняться за разрозненными группировками немцев в Альпах. Пушки и лошадей мы оставили. И, вот, кто сдается – мы их спускали книзу, кто не сдается – уничтожали. И приказ я получил 8 числа [мая 1945 года] в 22 часа. По радио мне передали: «Прекратить огонь. Спуститься в квадрат такой-то». А это курортное место в Альпах. Ну, мы до 2 часов спустились. И легли спать, уставшие, конечно. И утром подъем по тревоге, в полном боевом. Лейтенанты – ремень, пистолет, ракетница и две «лимонки». Бинобль, автомат, планшетка. Полк построен. Мы не знаем, что [случилось]? ЗИЛ открытый. Тащат трибуну. Поднимаются командир полка, замполит, начальник штаба. И он только сказал: «Дорогие мои сыны, Великая Отечественная война, которую вы вели, завершена...». Что тут началось! У меня только остались одни гранаты. Все то, что у нас было... в автоматах, у кого – в карабинах, у кого – в пистолетах, все это расстреляли. Такой был фейерверк.

Это было когда именно?

Утром, в 9 часов. И после этого – накрыты столы. Вот – ведро вина стоит, вот – ведро вина стоит... И никто, в большинстве, не прикоснулся. И никого не было, чтоб перебрал. И вот этот день нам показался таким длинным. И мы оглохли от тишины. 4 года все время стреляло, взрывалось, гремело и т.д. А то... тишина. Необыкновенная.

А расскажите, как Вы встретили войну?

Я окончил десятилетку. И готовил документы в геолого-разведывательный институт. С подружкой своей. Любовь моя школьная. Ну, и выпускной вечер. Ну, у нас на Урале ходили в тайгу. Традиция такая. И возвратились мы в 4 часа дня. Уже 12 часов бушевала война. А у нас митинг идет. Уже отправляют первых на фронт. Ну, конечно, как ушат на голову. И мы с Толькой Мягковым, своим другом, решили уйти на фронт.

Прямо сразу?

Сразу. Но нас не брали еще. Первое время. Таких пацанов.

А предчувствие войны было?

Да нет. Это ж на Урале. Только в сознании людей. Что такая ответственность. Ни взрывов, ничего.

Я имею в виду, еще до 22 июня.

Чувствовалось. Внутри было, что может это быть.

А если проанализировать, почему откликнулись так сразу. Это был коллективный подъем? Вас так воспитывали, в духе патриотизма?

Это душевный порыв, и высокая ответственность, Родину защищать.

Вы с другом... а остальные тоже?

Нет, не все. Что удивительно, мы в живых остались вдвоем, добровольцы. Все остальные 16 ребят погибли. Моих одноклассников. На тот момент они не [*выразили желания уйти*]. Они были призваны позже. В феврале-марте 1942 года.

А Вам не казалось странным, что люди по-разному решали этот вопрос?

Нет-нет, у меня сомнений не было. Друзья все были очень хорошие. У каждого своя ситуация. Ну и вот, призвали нас, но на фронт не отправили, а сказали: «Нам нужны командные кадры. А у вас 10 классов образование».

Это было когда?

Сентябрь 1941 года.

А из Вашей семьи тогда уже кто-то ушел на фронт?

Брат. Ну и вот, меня определили в 1-е Томское артиллерийское училище. Учили там 6 месяцев, но программу 2,5-годичную училища [*давали*]. Учеба напряженнейшая. Да и мы были готовы. Я отлично стрелял, занимался в акробатическом кружке.

А стрелять где научились?

В школе. Тир у нас. Сестра у меня старшая за физкультурника вышла замуж. Парень приехал, влюбился в нее, создали семью. Был после института физкультурного. На заводе молодежи не так много, а школа рядом. И настолько он с нами легкой атлетикой [*занимался*]. Я пришел в армию готовый. Я все упражнения, которые положены [*мог выполнять*]. А у нас в училище командир взвода Ломанцев, в первую очередь, знал, что можем. «Идите, – говорит, – на самоподготовку». Так что у меня была возможность позаниматься артиллерийской подготовкой. А Анатолий попал в Новосибирское пехотное училище.

Вы хотели быть артиллеристом?

Понимаете, такого уж желаний у меня не было. Я моряком хотел быть. Мы мечтали... Среди нас тогда моряки бывали. Придет из армии – ой, что ты! Такие брюки!.. Ну, в общем, окончили мы училище. Ну, с «отличием» уже не называют. Нам сшили уже форму. Гимнастерки габардиновые. Брюки. И когда мы на примерку приходили, у меня уже в петлице 2 кубика, т.е. я – лейтенант. Ну, а остальные... у нас в училище выпуск был 426 человек: 4 лейтенанта, а остальные – младшие лейтенанты.

А как кормили в училище?

Была курсантская норма. Кормили нормально. Мы – сельские ребята, и не жаловались. Не было таких моментов. Нас устраивало все.

Но ведь физические нагрузки были большие?

Большие. Дни напряженные. С самого утра. Физзарядка, занятия, раза два в неделю тревоги, с выходом в поле.

Друзьями там обзавелись?

Со мной учился, и попал со мной вместе на фронт... племянник Микояна Анастаса Ивановича [2]. Все это знали. Мы на фронт с ним вместе прибыли, попали в одну часть. Ну, и первое – позавтракать. Пошли мы с ним, сели на бруствере... Где-то далеко разорвалось... и ему (он сидел «калачом») осколок попадает сюда [*показывает в ногу*]... Не был, считай, на фронте, а стал инвалидом Великой Отечественной войны. Больше мы не встречались, разбросало нас. Я получил под командование 50 младших лейтенантов.

Сразу?

Да. Мы получили 51 человека в штаб артиллерии Калининского фронта.

Это 1942 год?

1942, июнь месяц. И вот я – старший этой группы. И вот я командовал на всем протяжении... приехали в лагерь в английских шинелях. Приезжали «покупатели». Кто-то из госпиталя. А на нас еще смотрели, как на «зеленых». И я с Микояном первый попал на передовую. Значит, получали назначения. И я попал в особую часть. 5-й укрепленный район. Это под Москвой был создан. Как шит. Другие войска могли отступать-наступать. А мы насмерть должны стоять. И я получил назначение заместителем командира артиллерийской батареи. Командира батареи еще не было, и я формировал батарею. Что мне интересно, это было в районе озера Селигер [3]. И вот что меня поразило: у нас в батарее было 9 национальностей. И взвод управления, который на меня замыкался (где разведчики, телефонисты, операторы и т.д.): один русский из 19 человек, Фофанов, второй – украинец, с русской фамилией Поляков. Остальные: 2 азербайджанца, коми, татарин Зарипов, калмык, казах, узбек. И абсолютное большинство не знало русского языка. И Вы понимаете, ощущение такое: мы – советские люди. У нас не было понятия: ты – русский, ты – нет.

Как Вы общались?

Так вот, рассказываю. Вот, у молодого лейтенанта возникла такая мысль. После выполнения боевых задач вечером я собирал... был домик... и я собирал этот сход. И решил провести «Вечер русского человека». Русского! В первый день мы с Фофановым рассказывали о России, ну, кто-то понимал, кто-то догадывался, а в конце спели русские песни. А на следующий день два брата-близнеца Алиевы (азербайджанцы, оба – с высшим образованием)... Один был директором школы, меньший, ростом они разные, второй был главным бухгалтером какого-то «Азербайджантреста».

Они добровольцами пришли?

Нет. Они старше нас. Они 1910 года [*рождения*].

Призваны?

Да. Все остальные [*были*] призваны. Я один доброволец... И мы на следующий вечер (а они по-русски понимали немножко) провели... азербайджанцы [*улыбаются*]. И пели они песни. У них от грузинских отличаются, такие, особенные. И вот так мы учили русскому языку... общение... братское, товарищеское отношение друг к другу. И вот я с ними прошел с боями до Витебска [4]. Полтора года.

Они выучили русский?

Конечно.

Трудностей вообще не было межнациональных?

Никаких. Еще раз повторяю: советский человек. Мы все были советские люди. И что меня особенно поразило, когда я получил это ранение... узнали, что я тяжело ранен (под Витебском), и решили командировать (с передовых позиций) для встречи со мной (а знали, где меня будут провозить на лошадке в санях; это было 26 декабря 1943 года)... смотрю, на промежуточном пункте связи вот эти братья Алиевы упали на колени, плачут. Для меня это было трогательно и даже не знаю, как определить это... когда я их увидел. Плачут и ползут за мной на коленях. И вот, сколько я видел, [*пока*] лошадка шла, они ползли...

А почему они так?

У нас единая семья [*была*].

Они за Вас переживали так? Знали, что тяжелое ранение?

Конечно. Знали. Вот и направили этих двух.

Они были рядовые?

Один был командир отделения разведки, а второй – командир отделения связи. Вот их командировали... Я очень сожалею, что я не мог [потом] встретить никого из них. У нас хорошая дружба с ними была. Татарин Зарипов – он тоже хорошо стрелял, и мы с ним в удобное время соревновались.

А религиозность была?

Нет, не касалось, никакой религии. Ни ислам, ни христианство, ничего. Религии у нас не было.

А вот страшно же. И на Бога совсем не полагались?

Я Вам скажу: мы не боялись смерти.

Но это не сразу приходит? Вначале боишься?

Опасность была... Но мы же... не ежедневно, но хоронили своих товарищей, однополчан. Все это видели.

И как это влияло?

Жили с мыслью, что где-то и твой день наступит.

А может, наоборот, кто-то думал, что не наступит?

Нет-нет. Думали о том, что... Я опять переключусь на 9 мая. Мы с Иваном (который из Новочеркасска, мой друг) сели на лошадей. Ординарец со мной, с ним – коновод. И поехали крепость посмотреть, там недалеко. И вот едем с Ванюшкой... перед нами стена. Война закончилась. А что же дальше? Как нам жить? И вот мы с ним мечтали... едем-едем на лошадях... и решили, знаете что? Первое: хорошо выспаться! Ну, [чтобы] не было режима. Второе: хорошо поесть. И третье: год прожить. Год!

А почему год?

Вот, понимаете, то, что мы пережили, это заставило нас почувствовать радость жизни. Хоть год.

А жениться думали?

Такой мечты не было. Вы понимаете, у меня судьба так сложилась. Я, когда был дома у родителей... на второй день приходит директор школы, моя классная руководительница...

Вы в отпуске были?

Да какой в отпуске! На костылях!

А, когда Вы долечивались дома после ранения...

Да-да. Пригласили меня в школу, на встречу. Это было в 1943 году, март. Президиум там. Потом танцы пошли. Я что?! Не танцор. И познакомился я с преподавательницей биологии... Когда я выступал, я рассказал, что был ранен под Витебском. Она [оказалась] оттуда. Из города Городок. А мы 3 раза брали [его], и 3 раза отступали. Ну, потом закрепились [там]. Она [все это] уточнила.

Ей хотелось поговорить об этом?

Да-да. И вот, на следующий день они опять заявляются ко мне домой. Моя классная руководительница и вот эта, по биологии. Фамилию забыл уже. Они жили на частной квартире. Говорит, [что] мама мне сказала без Вас не приходите. И вот по сугробам я с костылями побрел в гости. Ну, гостеприимство в то время какое... Из сала сделали пельмени. Дружеская беседа. Вот, мы посидели... И потом стали общаться. Но они же старше меня значительно. Да и у меня никогда не было, чтобы я с классным руководителем, как мужчина, никогда не выступал. Значит, собирались. У них хорошие голоса. Пели песни. Ну, а на девчонок я не обращал никого внимания... Моя любовь тоже совершила подвиг...

Школьная любовь?

Да. Она же тоже готовилась в институт. И посчитала, что сейчас стране нужны врачи. И переключается на Казанский государственный медицинский институт. И там училась, полный курс. Закончила она заведующей облздравотделом Брестской области.

Вы с ней переписывались в годы войны?

Рассказываю. Когда я был дома [долечивался после ранения], ну, девчонки [одноклассницы мои] пишут ей, что он на нас не обращает внимания, со «старухами» начал общаться.

Ревность?

Ревность [*смеется*].

А Вы с ней до этого переписывались?

Все время!... Вот, наступали они. Приехала она на 1 мая 1943 года. Сажу перед окном. Идет красивая девушка. У нас широкие улицы. Я сестру спрашиваю: «А кто это?» Она: «Ты, что, Клаву не узнал?!». И вот меня потянуло переодеться в гражданское. Костюм. И поковылял я (тогда уже с палочкой). Прохожу мимо дома ее подруги (Гали Курочкиной). Выходит мне навстречу [*Галья*]: «Ты это куда?... Сейчас она будет здесь». Ну, встретились... и вот как-то я ощутил, что я не в радость пока. Перед окном мы стояли. Ну, поцеловались, все как надо. И, посидели. Они обнимаются, плачут. Обе. Ну, и когда мы вышли, я говорю: «А почему так вот?». Она мне говорит: «Так ты ж с той». Я говорю: «Как же ты могла подумать, чтобы я со взрослой женщиной, тем более, с нашей классной руководительницей... Пошли к ней!» Уже был двенадцатый час ночи. Она: «Нет-нет». А на следующее утро встречаемся, и как раз с ней [*учительницей*]. Так любезно отнеслась к нам. Ну, мы лучшие ученики были. И она, [*Клава*], поверила.

Увидела своими глазами.

Да. Что глупость сотворили [*подруги*], увидела. И мы потом всю войну переписывались, но у ней, видимо, какой-то осадок остался. И она решила меня проверить.

Как?

Пишет мне письмо: «Я выполнила свою моральную миссию. Я поддерживала тебя всю войну. У меня появился друг». [*А*] ничего этого нет.

А Вы как повели себя?

А что могло быть с влюбленным парнем?

А Вы, значит, пронесли эту влюбленность через войну?

Да.

Вы только с Клавой переписывались?

Я матери, особенно матери... писал письмо ежедневно. Как бои разрешали. И вот, как-то я приехал, а мать мне показывает два посылочных ящика моих писем. На чердаке дома. Мне так хотелось их взять. Я сожалею, что это не сделал. Потому что... это за каждый день... бой закончился – воспоминания. Потом дом сгорел, и письма сгорели.

А чем закончилась та «проверка» со стороны Вашей девушки Клавы?

Ну, что было... Я после войны рвался опять в институт, геолого-разведывательный. Но, видимо, кадры занимались... 4 года войны – это ведь [*как*] академия! И, видимо, подбирали тех, кто могут принести пользу в армии. И я попал в это количество. И меня после войны назначают начальником полковой школы. Уволились старшие возраста [*потому что*]...

У Вас уже было звание...

Старший лейтенант. Ну и вот, сержантов надо готовить. И я в отпуск пошел после войны только в конце 1946 года. Когда сделал выпуск сержантов.

Она Вам до этого еще написала?

Конечно, до этого, [*сразу, как война окончилась*].

И я через Казань проезжаю. Поезд там стоит около часа. Я вышел. Походил-походил. И мыслю: я-то ведь не виноват ни в чем, ничего такого не сделал, позорящего себя и ее. Сел в поезд и уехал.

Т.е. у Вас был порыв, а потом Вы решили поставить точку?

Да. И вот прошли годы. Она работает уже в такой должности солидной. И... нашла мой адрес, телефон, и как-то, отдыхая в Сочи на курорте, звонит... А мы с женой сидели. Я говорю: «Клавдия Петровна, а Вы откуда? Из Сочи! Так приезжайте к нам в гости». «Нет-нет, некогда...». А на следующий год приезжают с мужем отдыхать в Горячий Ключ. А муж освобождал Горячий Ключ. И звонок опять такой же... А мы опять... сидим с женой на диване. «Приезжайте к нам...». «Нет-нет, у нас режим». А у меня Шура (жена, 25 лет, как я ее похоронил) очень хорошая, говорит: «Миша, давай мы сами поедem...». Поехали мы. С нами меньший сын. Мне как-то тревожно. Посылаю его. Они жили в гостинице. Открывает она: «Ты, мальчик, что хотел?» «Я Шибанов». «А где родители?» «На улице...» Сын выходит, на нас смотрит: «Тоже мне нашел... мама лучше всех» [*улыбается*].

Наверное, Клава еще тогда не сильно была заинтересована в Вас, раз устроила «проверку»?

[*Теперь*] она узнала, что я хорошо служил, дослужился до полковника. 25 лет я проработал в Краснодарском крайисполкоме помощником председателя. С шестью председателями! Она, видимо, через подруг знала, что у меня хорошая семья, что дети... жена к тому времени уже умерла, и потом она еще приезжала сюда, сестра у ней здесь, в Северском районе жила, мы с ней общались. А у ней, [*у Клавды*], уже умер муж... А с женой, с Шурой мы дружили 2,5 года [*до свадьбы*], это уже после войны...

Михаил Дмитриевич, в войну у других военнослужащих с женщинами какие отношения были? У Вас любовь, а у кого этого не было, с «заочницами» переписывались?

Нет. Не знаю.

Хотели военнослужащие знакомиться с девушками, переписываться?

Татарин Зарипов... У него была девушка. Он тоже писал. У большинства были любовные, добрые отношения. Думали о семье. Думали о смерти и о продолжении жизни.

А когда во время войны оказались в Австрии, Вам чему пришлось удивляться? Я имею в виду быт и нравы другой страны. Сравнивали?

Нас, видимо, планировали [*бросить*] участвовать в войне с Японией. И мы через неделю после окончания войны своим ходом, на лошадях, прошли всю Европу. Австрия, Венгрия, Югославия, опять Венгрия, Румыния. И дошли до города Рымнику-Сэрат [5]. Суворов Рымникский! И вот интересно... был такой населенный пункт – Катафа. Когда мы проходили с боями там, нас потрепали здорово после Будапештской битвы [6], и нас в тыл отвели, на отдых, пополнение, замену орудий. И вот в этой Катафе меня... у меня ординарец знал прекрасно молдавский язык, немного румынский и венгерский... Разместил меня ординарец у пожилой пары. Он – с бородкой, жена... и как-то неласково-неласково... Уселась. Ординарец что-то выскажет. А он: «Не понимаю». Т.е. не хочет [*общаться*]. А потом видит... День проходит, два, три... Была же агитация: «Мол, казаки придут!..». А мы – это уже весна. Март. [*Мы*] посадили зеленые деревья. Уборкой занимались территории. Ходили вечером с песнями. Никого, ничего не тревожили. И, видимо, сознание у них побороло. И как-то утром я поднимаюсь, смотрю, у меня цветы на столе перед кроватью. Накрыт стол. И она... как родная мать...

А сколько на это времени ушло?

Три дня. Преобразилось. И, представляете, под домом у них подвал. Дочь там с племянниками. Я даже не слышал, они не подавали [*звуков – улыбается*]. И, представляете, [*теперь*] детские голоса слышны. Обстановка изменилась. Как солнышко выглянуло.

Они присматривались?

Не только они. Все население. Они поняли, что... Это был март 1945 года. И вот мы проходим летом [1945 года]. Днем очень жарко. Кони падали. И вот, через Катафу [*снова*]. А я послал своего командира отделения Бесчастного к ним в Катафу. Приехал [*сам к ним*] только в 12 часов ночи. Горит свет во всем доме! Никто не спит! И дети ждут. Такой стол накрыли.

Вы в марте 1945 года сколько у них пробыли?

С неделю всего. И вот они... [*теперь уже летом*]... Утром я уезжаю. Смотрю, она мешок пирогов мне напекла. Я говорю: «Да куда столько?!». Она: «Это всем».

А они по-другому жили? Благополучнее, чем в СССР?

Я бы не сказал, что быт был у них богаче. У меня мадьяры (венгры) оставили благоприятное впечатление, особенно, после войны уже, своей порядочностью, культурой общения, добрым отношением. Как будто родные люди. И меня туда тянуло [*поехать спустя годы после войны*]. Ну, такой же скромный быт. В противовес нам, у них всегда вино. Винограда много.

Это палинка?

Это называлось «бор, сор, палинка». Бор – это вино. Сор... и палинка... Палинка – это водка.

А как общались?

Ну, у меня же ординарец в качестве переводчика.

А как на протяжении войны было с питанием, с обмундированием?

С обмундированием – «пятерка». Почему «пятерка»? Всегда мы получали обмундирование вовремя. И у нас была задача... Лампасы же у нас. А лампасов – нет. Так, частенько, знамя оборвем...

Из знамени делали лампасы?!

Ну, конечно [*смеется*].

А почему форма была без лампасов?

То, что привозили.

Значит обмундирование на «пятерку» всю войну?

Всю войну! Меня что до сих пор удивляет? Вот сейчас, бывает, не платят зарплату вовремя. А во время войны... Вот, мы только перешли государственную границу, нам выдают денежки... уже 10 % лей румынские мы получали. Перешли государственную границу Венгрии... мы форинты получаем. Вовремя! 15 % мы получали иностранной валютой.

А Вы посылали домой аттестат?

Да. 50 % своего оклада все время родителям.

А посылки могли посылать из-за границы?

Вещи? Было такое. Одну в месяц посылку. Я [*всего*] послал несколько. С вещами. И мыло. Продукты – нет.

Одежда откуда бралась для посылок?

Покупали. Мы деньги же получали.

Покупали у местного населения?

Да. И в магазинах.

Получили Ваши посылки?

Да. И письма шли исключительно четко. Правда, раньше вопросы бдительности [*стояли*]. В общем, штамп. Проверяли.

Цензура? Вычеркивания были?

Ну, у меня-то не было.

А дневник вели? Или другие вели?

Нельзя было. Не разрешали. Иван, который писатель [*стал*], из Новочеркасска, я знал, что он дневник ведет.

Потихоньку?

Потихоньку. И в бричке к дну приделал ящичек... и там хранил.

И у него он сохранился?

Ну... Уже написал не одну книгу.

А тогда, в войну Вам хотелось написать что-то в газету?

Журналистская жилка у меня есть. Мы когда пошли по Европе... Я – командир батареи... но я [*был*] инициатор выпуска «Боевых листков». Вот, мы идем... тот что-то хорошее сделал, тот поступок совершил и т.д. «Боевой листок» на радиотачанке развесили. Все приходят, читают. Я редактировал, корректировал.

Так какую оценку даете питанию?

Питание было нерегулярное. Особенно в боевой обстановке. Ну, кухни готовили... посылали солдат. Термос за спиной. Бывало, приходил... а термос простреленный, от борща ничего не осталось. Голодали мы, конечно. Но такого, чтобы незаботливого [*отношения*] – тоже не было.

Просто из-за обстоятельств?

Да, из-за боевой обстановки. А так, все по нормам. Хлеб.

А с американской едой сталкивались?

Была тушенка, ну, уже в конце войны. У меня старшина – он же отвечает за кухню. Так что горячее все время на передовую в термосах.

А чего особенного хотелось? Сладкого?

Вы знаете, эти вопросы как-то обходили. Мы знали, что нет. И в мыслях не держали.

А вещей недостаток какой-то испытывали? Мелочей: бритва, расческа?

Нет. Носил бакенбарды.

А баня была часто?

Расскажу Вам. Никто Вам об этом не расскажет. Первое: палаточки у нас были. В неделю раз мы обязательно (какая бы обстановка не была) чугунные печки... грели воду и

купались. Но что меня удивило! Когда мы в Рымнику-Сэрат побыли, и госграницу [перешли]... и полная санитарная обработка. И я впервые встретил поезд-баню. Два эшелона немецких стоят, специально оборудованных. Парная и два моечных, парная и два моечных... Ну, я как уралец, сразу в парную залез. Заходят два оголенных мужика: «Старшина, подбавь парку!» [Чувствую], у меня уши уже начинают... Они орут! Потом он приходит: «Да я вам уж на полную катушку дал, сколько можно».

А зубы чистить получалось?

[очень неуверенно]. Ну... порошком. Конечно, у всех были бритвы свои. Не было такого, чтобы солдат не брился, бороду отрастил.

В свободное время, если оно было, что делали?

Получали газеты. Дивизионную все время. Ну, а когда свободная минута... русские песни. Пляски. В каждой батарее был свой заводила, свой аккордеонист или баянист. Вот этот дух русский не выветривался у нас... Кто был в командировке в Москве, на концерте... записывал, напевал, передавал другу...

Спасибо за беседу, Михаил Дмитриевич.

Примечания:

1. Село Рожки в настоящее время является центром Рожкинского сельского поселения в составе Малмыжского района Кировской области.
2. Микоян Анастас Иванович (1895–1978) – государственный и партийный деятель в СССР. В 1938–1946 гг. – нарком внешней торговли. В 1941 г. председатель Комитета продовольственно-вещевого снабжения Красной армии, член Совета по эвакуации. В 1942–1945 гг. член Государственного комитета обороны СССР, контролировал организацию снабжения армии и руководил осуществлением поставок по ленд-лизу; в 1943–1946 гг. член Комитета СНК СССР по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от фашистской оккупации.
3. Селигер – система озер в Тверской и Новгородской областях.
4. Витебск – город на северо-востоке Белоруссии. В октябре 1943 г. советские войска вышли на дальние подступы к Витебску. Зимой 1943–1944 гг. они неоднократно пытались овладеть городом (Городокская операция, Витебская наступательная операция). 26 декабря 1943 г. под Витебском М.Д. Шабанов получил тяжелое ранение в ногу, после которого три месяца провел в госпиталях, получил группу инвалидности, но, скрыв ее, снова отправился на фронт.
5. Рымнику-Сэрат – город на реке Рымник в Румынии. Был освобожден частями 2-го Украинского фронта 27 августа 1944 г. в ходе Яско-Кишиневской операции.
6. Будапештская операция – наступательная операция южного крыла советских войск в ходе Второй мировой войны в 1944–1945 гг. Проводилась силами 2-го и 3-го Украинских фронтов в период с 29 октября 1944 г. по 13 февраля 1945 г. с целью разгрома немецких войск в Венгрии и вывода этой страны из войны.

УДК 929/947.0

Интервью с Михаилом Дмитриевичем Шибановым

Проведение интервью, подготовка к публикации

Ирина Геннадьевна Тажидинова

Кубанский государственный университет, Российская Федерация
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149
Кандидат исторических наук
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Аннотация. Интервью с ветераном Великой Отечественной войны, гвардии полковником в отставке Михаилом Дмитриевичем Шибановым посвящено фронтовой повседневности и его жизни в 1942–1945 гг. Немало внимания уделено родственным и дружеским взаимоотношениям Шибанова в период войны.

Ключевые слова: М.Д. Шибанов; Великая Отечественная война; частная жизнь; фронтовая повседневность; досуг; дружба.